

ГРУЗИНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИМФОНИИ. ЦЕРКОВЬ И СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Христианство в Грузии, – с тех пор как святая Нино обратила равноапостольных царя Мириана и царицу Нану, были хиротонисаны первый епископ и священники и Грузинская Церковь вышла на историческое поприще, и по сей день – отмечено духом независимости по отношению к существующей власти. И это несмотря на то, что христианство в Грузии на протяжении почти всей своей истории было государственной и народной религией. Возможно, первым толчком к этому послужило то, что принятие христианства, в отличие от некоторых других православных государств, не было инициативой власти. Сам царь

Мириан принял христианство после довольно продолжительного сопротивления. И первое же грузинское мученичество – «*Мученичество Шушаник*» (V в.) показывает острое противостояние Церкви с национальной властью.

В столкновение с правителем, отвергшим истинного Бога, вовлечена вся Церковь, – вместе с Шушаник или на ее стороне, представители всех слоев верующего общества – члены правящей семьи, аристократия, епископы и священники, крепостная стража и простой народ, хотя порой колеблются и робеют. Главный персонаж – мученица Шушаник – является лишь зачинателем и героем этого сопротивления. Это настоящая битва, впрочем, ведущаяся, как подобает, со стороны Церкви без привлечения физической силы и выражающаяся в разнообразной поддержке главного героя. Брат Варскена Джоджик, епископы и священство заботятся о Шушаник, воодушевляют ее и обличают Варскена в отступничестве, простой народ открыто сочувствует мученице за Христа и все общество, аристократия и простолюдины, единодушно уже при жизни признает ее святой и посредницей перед Богом.

Правда, в этом случае за спиной местного правителя стояла и внешняя сила – империалистический Иран со своей языческой религией, но конфликты и напряженность между Церковью и властью, между духовными и мирскими мы видим и тогда, когда у власти находятся не просто патри-

тически настроенные, но истинно благоверные цари и князья.

В этом плане весьма примечательно одно древнейшее и величайшее творение грузинской христианской культуры – *«Житие святого Григола Хандзтели»* Гиорги Мерчулэ (X в.). Хотел того сам автор или нет, но одной из ведущих тем его произведения оказалась непреклонность представителей Церкви, духовных лиц, большей частью монахов, перед пусть и национальной, пусть и дружественно настроенной, но все же мирской властью. Проявление самобытности, самостоятельности церковного, духовного мира происходит по разным поводам, в основном, по причине нарушения со стороны властей и в целом мирских лиц христианских нравственных законов или их вмешательства в церковные и духовные дела. В труде Мерчулэ можно выделить своего рода последование¹, тематическую линию, которая проходит через всю повесть и показывает, как представители Церкви смиряют сильных мира сего, или как, по слову самого Мерчулэ, *«плотски сильного государя духом сильные люди победили»*². Самыми выразительными представляются эпизоды разлучения Григолом Хандзтийским будущего святого царя Ашота куропалата с *«блудной женщиной»*, обличения того же царя по

¹ Последование (литургический термин) – текст того или иного богослужения от начала до конца.

² *Житие святого Григола Хандзтели*. LV, с. 148.

той же причине сподвижницей Григола матерью Фебронией и выговор, сделанный им царю Гвараму куропалату за грубое вмешательство в церковные дела³. Герои повести Гиорги Мерчулэ не только делом отстаивают независимое и почетное место Церкви в государстве, но создают и теоретическое обоснование для этого, и соответствующие формулы.

«Дал Бог власть верным царям строить престолы епископств и города с селами, и над всем народом сделал князьями... Верные же и истинные монахи на земле ни под чьей властью не пребывают, поскольку уклонились от утех мирских волею и избрали печаль ради Бога в местах плача»⁴.

«Славный царь, ты земли государь, Христос же – неба и земли, и преисподних... и более тебя подобает слушать слова Его»⁵.

«О государь,.. в прежних святых тех отцов собраниях с епископами и настоятелями чина монашеского были прежние верные цари. Не то что с ними законоучительствовать дерзали, но их исследования закона спрашивали и просили объявления слова, ибо через них учились заповедям Божиим»⁶.

Защита независимости Церкви и в целом ду-

³ *Ibidem*, LV, сс. 144–149; XLII, сс. 125–130.

⁴ *Ibidem*, XXII, с. 88.

⁵ *Ibidem*, XXVI, с. 98.

⁶ *Ibidem*, XLII, с. 130.

ховной сферы не носила признаков самоцельного соперничества двух земных учреждений – Церкви и государства. Нечто подобное этому только однажды проявилось в истории взаимоотношений духовной и светской властей в Грузии. В прошлом воспитатель царя Вахтанга Горгасали⁷, прославленный борьбой с огнепоклонством епископ Микаэл, пользовавшийся большим влиянием и в продолжение лет привыкший к особому почету, разгневался на царя, который вознамерился установить католикоство и испросил из Константинополя в качестве предстоятеля Церкви другое лицо, будущего Католикоса Петрэ, и с ним еще двенадцать епископов. Конфликт между царем и обиженным епископом почти повторяет, точнее, прообразует столкновение между Папой Григорием VII и германским королем Генрихом IV и каносский эпизод. По рассказу летописца Джуаншера, Микаэл, который *«думал смутой задержать дело то [приглашение католикоса]»*, обвинил царя в отступничестве от Христа и поклонении огню, и *«наложил прещение на царя и все войско его»*. Когда царь с целью примирения прибыл к епископу и *«сошел с коня, чтобы припасть к ногам епископским»*, Микаэл *«двинул... ногой и коснулся лица царского каблуком и сломал зуб ему»*. Царь отправил мятежного епископа на суд Константинопольского Патриарха и с ним

⁷ Святой благоверный царь Вахтанг, прозванный Горгасали († 502; память 30 нояб./13 дек.)

послал свой выбитый зуб. Микаэл был лишен епископского сана и помещен в знаменитый монастырь Неусыпающих⁸.

В противоположность этому, герои Мерчулэ никоим образом не стремятся к умалению царской власти, не думают, не мечтают об установлении теократии, но убеждены в превосходстве духовной сферы над мирской властью, и эту последнюю, несмотря на величайшее почтение к царскому званию, все-таки рассматривают, как некий инструмент для устройства земной, преходящей жизни в согласии с христианским вечным учением.

Грузины перенесли традиции независимости и смелого обращения с царскими особами даже в Византию. Когда мать малолетних кесарей Василия и Константина попросила у постриженного в монахи Иоанэ-Торника Афонского помощи против мятежника Варды Склира, тот, хотя и после некоторого сопротивления, ибо затруднялся нарушить монашеские правила, все-таки покорился воле государей. Но в то же время, *«улучив время, Торник откровенно обличил царицу за многое. И та все приняла смиренно... < Торник же > обратился к ней так: „Я ради грехов моих облекся в образ этот, и ведает Господь, что точно тяжелее смерти для меня это дело. Однако как быть — не знаю, не могу быть непокорен святому царствованию*

⁸ *Картлис цховреба*, т. I, сс. 196–197.

вашему»⁹. В этом эпизоде ясно видится грузинская интерпретация симфонии: почтение к мирским властям и в то же время бесстрашное объявление перед ними и защита священных церковных принципов.

Можно предположить, что именно благодаря такой раскрепощенности перед лицом сильных мира сего, которая была свойственна грузинским деятелям, другу Афанасия Афонского Иованэ Святогорцу пришлось играть столь большую роль во взаимоотношениях между Афоном и константинопольским царским двором. По сведениям завещания Афанасия Афонского, Иованэ неоднократно переплывал море, представлял перед многими царями и выпросил множество милостей для монастыря святого Афанасия и для всего Афона.

Согласно этому завещанию, при посредничестве Иованэ Великой Лавре было пожаловано двести сорок четыре номисмы¹⁰, которые Лавра получала с острова Лемнос, а также был пожалован полностью остров Неон. И он помогал нам не только тогда, когда он был в нашей Лавре, – свидетельствует Афанасий, – но и тогда, когда он ушел из нашей Лавры и милостью Божьей построил свою Лавру¹¹.

⁹ *Житие ИЭ*. «Символ», N 34, 1995, с. 354.

¹⁰ Золотая монета.

¹¹ *Греческое «Житие» Иоанна, Евфимия и Георгия Афонских*. Греческий текст с грузинским переводом и исследованием подготовила Манана Мачханели. 1982.

Иованэ и сам в миру принадлежал к грузинской аристократии и встречал соответствующий прием в Константинополе. Но такую же свободу в общении с высшими властями Грузии или Византии проявляет и другой великий афонец из Грузии – Гиорги Святогорец, который не был столь же высокого происхождения. Характерна беседа между Гиорги Святогорцем и императором Константином Мономахом¹² по поводу одной хозяйственной нужды Иверского монастыря.

«А этот блаженный обрел добрую силу, ибо отправился к благочестивому царю Константи Мономаху, в град Царский. И как вошел к нему, подобающим приветствием встретил старца царь, ибо великую веру имел к нему и уповал на святые молитвы его. И сказал ему: „Для чего притрудилась святость ваша, Гиорги, человеце Божий, к нашему державству?“ Сказал ему старец: „Радуйся о Христе, о светлейший среди самодержцев, повелевает мною, нищим, Пресвятая Та Надежда и Прибежище благочестия твоего Святая Богородица, чтобы приснославный храм Ее не растлился от вод, что стекают сверху непокровенностью монастыря нашего. Ныне пусть повелит царство твое дать свинца, которым покрыта будет святая Церковь, дабы в ней молитвословиться святому царству

¹² Константин IX (1042–1055).

твоему»»¹³.

Также смело уже в другое время и с другим кесарем Константином Дукой¹⁴ беседует Гиорги о вероучительных вопросах и не боится указывать на нетвердость греков, т. е. в первую очередь непосредственно связанного с византийским престолом Константинопольского патриархата, в вопросах вероучения, и отдать преимущество в данном случае Грузинской и Римской Церкви¹⁵.

Таким же прямым и нелицемерным было обхождение Гиорги Святогорца с грузинским царем и представителями грузинского общества. Во время его пребывания в Грузии, *«начали исповедоваться и каяться сам царь, католикос, священники, диаконы, монахи и духовные, вельможи и князи, богатые и бедные... И так просветил весь Восток человек этот... и все явные и скрытые бесчиния исправил. Ибо прежде всего изострил меч обличения на царей за множество бесчинств,.. дабы не продавал (!) епископств людям бесчинным и неученым... Опять говорил ему о суде и правде владычных. Дабы судил сироте и вдовице»¹⁶.*

Самосознание представителей Церкви в отношениях с мирской властью не всегда действовало на столь же высоком уровне, столь напряженно

¹³ *Житие ГС*, «Символ», N 38, 1997, сс. 274–275.

¹⁴ Константин X (1059–1067).

¹⁵ *Житие ГС*, XX. «Символ», N 38, 1997, сс. 300–301.

¹⁶ *Ibidem*, XVII, с. 291.

и плодотворно. Но и никогда не теряли они независимого и самобытного духа, не опускались до положения покорных слуг государства. В истории Грузии с трудом можно отыскать такое время и отражающее его историческое повествование, где церковная власть или простые ее представители так или иначе, в тех или иных обстоятельствах, не подтверждали бы самостоятельность Грузинской Церкви, ее *автокефалию* в буквальном значении этого слова. Подобные свидетельства почти непрерывной нитью сопровождают историческое бытие нашего народа.

Один из летописцев царицы Тамар Башили описывает, например, ее безрезультатные попытки заменить менее достойного на ее взгляд католикоса знаменитым подвижником Николозом Гулаберисдзе. Но *«не смогли сместить, хотя и весьма подвизались»*. Впоследствии *«его сместил сам Божий суд»*, т. е. смерть¹⁷. В эту же эпоху другой католикос Иоанэ, прозванный *«равноангельным»*, жестоко обличал, как *«семижды проклятого армянина»*, и наносил и другие оскорбления на вероисповедной почве выдающемуся полководцу амирспасалару Захарии Мхаргрдзели, несмотря на то, что Захария вместе со своим братом *«весьма были возвеличены царем [царицей Тамар]»*. Тот же католикос был инициатором такого способа выяснения истинной веры между православными и армянами, который поразил и удивил *«царей и*

¹⁷ *Картлис цховреба*, т. II, сс. 118–119.

народ». Царица Тамар «была сильной противницей» этой инициативы, но католикос все же настоял на своем¹⁸. В связи с этим можно вспомнить, что попытка примирения с Армянской Церковью, предпринятая еще прадедом царицы Тамар Давидом Строителем, по-видимому, столкнулась с таким же сопротивлением. Об этом свидетельствует хотя бы неприязненный тон, с которым историк царя Давида говорит о приглашенных на собор представителях армянской стороны, и его удовлетворение по поводу того, что собор закончился безрезультатно и армяне остались «с замкнутыми устами», «безответными» и «совершенно бессловесными»¹⁹.

В царствование сына и наследника царицы Тамар Лаша-Гиорги крупные феодалы Варам Гагели и Иванэ атабаг заявили протест молодому царю по поводу его разнузданного поведения, пьянства и прочих бесчинств и заявили ему: «*Не согласимся... быть тебе царем, если не отворачиваться... от вредного правила*»²⁰. Правда, Иванэ атабаг и Варам Гагели не были служителями Церкви, но все-таки в широком понимании выступали от ее имени, как представители верующего народа и защитники тех этических норм, которые проповедовала Церковь. Еще один демарш в

¹⁸ *Ibidem*, сс. 81–90.

¹⁹ *Житие царя царей Давида*. Пер. с древнегрузинского протоиерея Иосифа Зетеишвили. «Символ», N 40, 1998, сс. 296–297.

²⁰ *Летописец*. Пер. с древнегрузинского протоиерея Иосифа Зетеишвили. «Символ», N 46, 2003, с. 236.

отношении сбившегося с пути молодого царя по поводу сожителства с чужой женой состоялся уже под главенством предстоятелей Церкви. *«Ради этого собрались католикосы (!), епископы и вазирьы и докладывали ему: „Не подобает тебе иметь рабыню, а не жену“... Потому отобрали женщину ту... и ее мужу отдали»*²¹.

В последующий период замечательным носителем того же духа являлся Католикос-Патриарх Николоз II, который возглавлял Грузинскую Церковь в 1240–1280 годах. Он вообще предстает одной из величайших личностей в истории нашей Церкви, одновременно церковным, политическим и духовным деятелем. Уже цитированный выше Летописец дает ему такую характеристику:

*«Католикос (!) Николоз, человек духовидец, подражатель ангелов, и во многих подвигах удивительный, православный, сильный и нелицемерный обличитель царей и князей, ибо был и непорочен, и ни перед кем не лицемерил»*²².

Во время бесцарствия, которое настало в Грузии после нашествия монголов и кончины царицы Русудан, когда *«страна [область]... царская, престолы и Мцхета и к ней прилегающая страна и монастыри никем не охранялись, ибо знатные этого царства о своих землях заботились»*, католикос принял на себя попечение о делах церковных в

²¹ *Ibidem*.

²² *Ibidem*, с. 268.

новых условиях. Как глава независимого владения он предстал перед монгольским ханом и получил от него заверение в неприкосновенности Церкви и соответствующее свидетельство («ерлак [ярлык]»). *«И защитил все престолы и монастыри»*²³. При этом грузинский иерарх произвел на хана большое впечатление.

*«Увидев его, хан удивился чину и зрению вида его, ... и как почтил, написал ему ярлык... Сотворили для него и дали в шан [дар] кресты золотые. И украсил для него камнем и жемчугом, и поднес один самому каталикосу и один наставнику Вардзии [настоятель Вардзийского монастыря], которого имел с собой каталикос. И жезл тот украшенный золотом подарил каталикосу лишь, с крестом и тот, и так с честью отослали»*²⁴.

В царствование Димитри Самопожертвователя Католикос Николоз II *«крепко обличал»* множество беспорядков, которые укоренились в тогдашнем грузинском обществе, особенно, в высших слоях, – многоженство, первый пример которого подали сам царь и его могущественный временщик Садун Манкабердели, обмен женами, захват и присвоение чужих земель, в том числе, и церковных. *«За это прогневался каталикос Николоз, человек старый и право правящий, – свидетельствует Летописец, – но из-за насилия Садуна не мог отлучить, но сильно*

²³ *Ibidem.*

²⁴ *Ibidem.*

проклинал»²⁵. Наконец в знак протеста престарелый пастыреначальник «оставил каталикосство,.. а сам пошел в вотчину свою старец и там пребывал во многом подвиге, посте, бодрствовании и милосердии к нищим, и полный добродетелей груза преставился к Господу»²⁶. Примечательно, что и в этом случае великий пастырь не пустил на волю выбор своего преемника, который в православных монархиях обычно осуществляли цари, но по чину суверенного правителя «рукою своею благословил царского крестоносца Абрахама быть каталикосом»²⁷.

Время святого страстотерпца царя Димитри Самопожертвователя вообще богато было обличителями, подобными католикосу Николозу. Этому способствовала и даже провоцировала противоречивая личность самого будущего святого мученика-царя Димитри. С одной стороны, он представляется собранием многих добродетелей. *«Царь Димитри, – характеризует его Летописец, – добро правивший, скипетрами царств украшенный, и милосердия и правосудия, монахов и церквей, всех чинов божественных и человеческих добро в точности управитель»²⁸.*

«Ибо был этот Димитри, – прибавляет в дру-

²⁵ *Ibidem*, с. 306.

²⁶ *Ibidem*, с. 309.

²⁷ *Ibidem*.

²⁸ *Ibidem*.

гом месте историк, – ... *щедрый, милостивый и смиренный, к нищим, вдовам и немощным милосердный, какого не слыхано из рода царского либо иных людей. Ибо имел обычай: возьмет денег и встанет ночью, и обойдет город, и навестит нищих и немощных и сирот, и своею рукою раздаст. И всем было известно милосердие царя, и поэтому нищие по ночам бродили по улицам, чтобы встретиться с царем. При этом он стяжал постничество, ночную молитву и коленопреклонения чрезвычайные, ибо тысячу пятьсот коленопреклонений совершал он со смирением на землю. И так всяко был украшен и просвещен»²⁹.*

С другой стороны, под влиянием монгольского языческого обычая он допустил такое неприемлемое и дотоле неслыханное среди христиан деяние, как многоженство, и дал недобрый пример собственному народу, так как, во всяком случае, один из его приближенных Садун Манкабердели поступил так же. При этом царь Димитри, хотя и не исправлял своего поведения из-за праведных обличений, но в то же время *«был святых людей почитателем»* и не прибегал ни к каким репрессивным мерам против обличителей. Впрочем, это последнее обстоятельство нужно приписать не только личной кротости царя, но и многовековой традиции. В конце концов это противоречие между добрым и отрицательным в своей природе и поведении царь Димитри снял самопожертвованием за народ

²⁹ *Ibidem*, сс. 301–302.

и мученической смертью³⁰. «В эти времена», т. е. в царствование Димитри Самопожертвователя, «сияли» два великих подвижника – Пимен салос [с греч. – юродивый], просветитель лезгин, и Антони Наохребелисдзе³¹. Иоанэ Багратиони в своей книге «Калмасоба» представляет обоих, как «обличителей царей». «Отец Пимен юродивый... был чрезвычайным обличителем несправедливости и беззакония царей и князей не словом только, но и письменами»³². А «отец Антони... был чрезвычайным любителем святости,.. подобно Пимену обличителем царей, который имел великое почтение от царей и князей, и < те > слушались учения его»³³.

Будущий святой царь Димитри явился причиной еще одного демонстративного обличения.

«В те времена прибыл со Святой Горы Басили монах, – сообщает Летописец, – дядя Эвфемииоса каталикоса³⁴, божественным правилом исполненный и предведения благодатью осиянный, прибыл к Димитри царю, явлением Пресвятой Богородицы, и, как апостол, сильно обличал и

³⁰ Память св. страстотерпца царя Димитри Самопожертвователя 12/25 марта.

³¹ День памяти обоих 16/29 марта.

³² *Грузинская проза*, кн. VI, Тб., 1984, с. 507.

³³ *Ibidem*, сс. 507–508.

³⁴ Память преп. Басили (Ратишвили), афонского подвижника, дяди Каталикоса-Патриарха Эвфемииоса (Евфимия) III, 18 апреля/1 мая.

восставал на царя за бесчинный тот брак, и учил святыне». А к строгому обличению прибавил в конце страшную угрозу: «Если не отступишься от бесчинных браков и презришь слова мои, зло и без чести будешь убит сильными, и лишишься царства своего, и дети твои рассеются, и другой завладеет царством твоим». Что и исполнилось в свое время. «Царь же удивленный, ничего не сказал в ответ, ибо был святых людей почитателем»³⁵.

И наконец, ряд этих царских обличителей, которых изобразил Летописец, можно завершить самым этим замечательным историческим писателем. Ибо согласно собственному принципу: *«Но так как книга эта расположена между доброделями и злодеями, да простятся слова мои, ибо летописание есть истины говорение, а не зрение на чье-нибудь лицо»³⁶*, он в своем труде представил целую галерею показанных местами в весьма критическом свете грузинских царей и высших представителей общества. И независимо от того, к какому сословию принадлежал сам этот большой писатель, по своей моральной позиции и строгим воззрениям, он представляется таким же сыном Церкви, как герои Гиорги Мерчулэ или Католикос-Патриарх Николоз и Басили Святогорец.

В XVII веке, в правление в Восточной Грузии царя-мусульманина Ростома, жертвой противо-

³⁵ Летописец. «Символ», N 47. сс. 309–310.

³⁶ *Ibidem*, с. 253.

стояния мирской и церковной власти сделался Католикос Эвдемос³⁷.

Одним из ярких проявлений самобытного и независимого духа Грузинской Церкви явилась борьба за восстановление упраздненных при присоединении Грузии к Российской империи автокефалии и патриаршества в конце XIX – начале XX века. Эта борьба носила вполне открытый, легальный характер, поскольку автокефалисты не касались государственно-политического устройства Российской империи и добивались только восстановления издревле существовавшего независимого статуса Грузинской Церкви. Участвовавших в этом движении духовных, общественных и научных деятелей, среди них, будущих Католикосов-Патриархов священномученика Кириона, Леонида, Амброси исповедника, Калистратэ мы можем назвать наследниками духа и идей к тому времени совершенно забытых и неизвестных Григола Хандзтели и его учеников, в том числе, великого писателя Гиорги Мерчулэ.

Символично, что именно один из самых выдающихся автокефалистов великий ученый Николай Марр нашел затерянную рукопись, изучил и издал с русским переводом и комментариями *«Житие святого Григория Хандзтийского»*, и обнаружил в этом древнейшем и как будто лишенном всякой актуальности произведении блестящее и злободневное свидетельство и подтверждение не толь-

³⁷ † 1642, память 4/17 октября.

ко грузинской автокефалии, но также попутно и доказательство глубоких исторических корней и устойчивости независимого духа представителей грузинского христианства, их неизменной на протяжении веков веры в преимущество небесного царствия над царством земным. Представляется знаменательным, что восстановление автокефалии Грузинской Церкви было объявлено на Поместном соборе в Мцхета 12/25 марта 1917 года, т. е. спустя всего десять дней после падения Российской монархии, а грузинские политики решились на провозглашение государственной независимости Грузии лишь 13/26 мая 1918 года, т. е. год с лишним спустя после Поместного собора. Не потому ли, что грузинские церковники были лучше подготовлены к свободе и независимому статусу, нежели грузинские политики?

Деятелям восстановленной после революции 1917 года и разрушения Российской империи Автокефальной Грузинской Церкви вскоре пришлось столкнуться с новой богоборческой коммунистической властью. И хотя эта неравная борьба завершилась продолжительной нейтрализацией Церкви и почти полным изгнанием ее из общества, но и здесь проявились древние традиции непреклонности и несгибаемости.

Примечательными моментами этой борьбы стали письмо-меморандум Католикоса-Патриарха Амброси (Хелая) от 7 февраля 1922 года к участникам Генуэзской конференции с призывом из-

бавить Грузию от большевистского рабства, арест и суд над католикосом и его сотрудниками, на котором представители Церкви, в том числе, будущий патриарх, а в то время протоиерей Калистратэ Цинцадзе, с достоинством держали себя, а патриарх Амброси произнес такие слова: *«Душа моя принадлежит Богу, сердце – Грузии, а с телом, палачи, делайте, что хотите».*

Атеистическая советская власть была еще в полной силе, когда независимый дух Грузинской Церкви опять явил себя. Полулегальное существование монастыря Бетания, юродство архимандрита Габриэла Ургебадзе, сжегшего на главной площади столицы, носившей тогда имя Ленина, портрет Ленина и избежавшего смертной казни только потому, что был объявлен невменяемым, – все это были проявления духа в условиях давления, подобного которому не испытывала ранее даже такая многострадальная Церковь, как Грузинская. Но это были лишь отдельные эпизоды.

Свое привычное, в веках заслуженное место Грузинская Церковь вернула в патриаршество Илии II, которое началось после его интронизации 25 декабря 1977 года и, к счастью, продолжается до сих пор.

Даже с расстояния всего двух десятков лет, прошедших после низвержения советской власти, непонятным и невероятным видится глубокое духовное рабство и оцепенение, которыми характеризовалось то время. Поэтому сейчас трудно

оценить то истинное чудо, которым являлась деятельность нового патриарха и сама его личность. В условиях режима, который не терпел никакого независимого от него явления в пределах своего господства, Святейший Илия создал именно такой независимый центр притяжения, который постепенно расширял сферу своего влияния.

По какой причине тогдашняя власть терпела все это – встречи главы Церкви с интеллигенцией, врачами, артистами, умножение присутствующих в кафедральном Сионском соборе, новые издания духовной и церковной литературы, начало работы над новым грузинским переводом Библии и множество других шагов и действий патриарха, – каким бы ни был ответ, все же это остается чудом, чудом, в котором выделяются два начала – необыкновенная личность патриарха Илии и с древнейших времен существующий и в ходе веков сохраненный независимый дух Грузинской Церкви.

За несколько десятилетий патриаршества Святейшего Илии II государство, общество и Церковь в Грузии пережили множество испытаний, счастливых и несчастливых поворотов судьбы, и хотя Грузинская Церковь и вольно и невольно разделяла судьбу народа и государства, но никогда не теряла своего лица, своего особого языка и голоса, свою таинственную цель, которая выше земных целей.

Это своеобразие, как и прежде, находило выражение в определенных личностях. И в первую

очередь, в личности и поведении предстоятеля, неповторимых и глубоко традиционных одновременно. Когда во время августовской войны 2008 года Святейший Илия по личной инициативе получил у первых лиц России разрешение посетить оккупированный Гори, доставить туда продовольствие, похоронить убитых и вывезти раненых, в этом по-своему отобразилась очень старая история – приезд Патриарха Николоза II в Орду и получение для своей Церкви обещания неприкосновенности.

29 апреля 2010.

